

М. М. Громыко

Подвиг служения на приходе: Россия 1810 – 1910 годы

В данной статье мы продолжаем тему о значении уровня личной религиозности конкретных деятелей на материале служения приходского духовенства¹. При этом в круг рассматриваемых персоналий включаем именно тех приходских священников, чей высокий уровень духовности определен последующим прославлением либо авторитетным признанием их подвижничества.

В XIX – начале XX вв. в силу нарастающих в значительной части интеллигенции революционных настроений (под влиянием стихийно шедших с запада, а также и целенаправленно распространяемых внутри страны разрушительных идей), в печати России все более усиливается очернение деятельности и положения приходского духовенства. Подчеркиваются и преувеличиваются недостатки самих пастырей и политики Синода в отношении рядовых священников. Это происходит не только в светских изданиях соответствующего направления, но проникает и развивается «по нарастающей» в церковной периодике. За этим шумом фальшивых или искренних, но отошедших от живой веры «доброжелателей», становятся едва слышными скромные голоса, свидетельствующие о деятельности благодатных представителей приходского духовенства, творящих Божье дело на земле – во многообразных проявлениях истинно духовных задач. Между тем таковые действовали успешно в разных регионах страны и при всех особенностях каждого исторического этапа. Относительно скудные материалы жизнеописаний позволяют все же увидеть реальные проявления высокого уровня их духовности. Мы приведем конкретные факты деятельности лишь немногих

из подвижников приходского служения, но в условиях территорий России, отличавшихся определенной спецификой, и в разнородной социальной среде сельской и городской. При этом приходы С.-Петербурга и Москвы не рассматриваются – это особая тема.

По поводу необъективности в освещении деятельности сельского духовенства И. Булгаков писал в 1901 г. на страницах «Душеполезных чтений»: «Нередко в печати и обществе слышатся жалобы на наше сельское духовенство. *В большинстве случаев в этих жалобах проявляется или предвзятый взгляд на духовенство или неимение точных и подробных сведений о деятельности пастырей церкви, особенно в отдаленных уголках нашего обширного Отечества. На самом деле среди сельского духовенства встречается очень много редких тружеников, вполне достойных пастырей, неутомимых деятелей на пользу церкви и вверенного им прихода. Вдали от центров шумной общественной жизни, в деревенской тиши, среди большею частью бедного нашего крестьянского люда, совершают они свое великое пастырское дело. Несмотря на распространенность в настоящее время печатного слова, о них часто не слышат десятками лет, а иные в безызвестности уходят и в могилу! Скромность удерживает их говорить о себе, а самое пастырское дело таково по природе своей, что оно совершается тихо и незаметно*»².

Как мы увидим из конкретного материала, не все из подвижников-пастырей на приходе оставались в скромной и благодатной безвестности. Иные из них были замечены архиереями, получа-

¹ Громыко М.М. Значение личной религиозности в контактах церкви и власти при императоре Николае I // Традиции и современность. Научный православный журнал. М., 2015. №17 С. 112–129.

² Булгаков И. Из жизни сельского духовенства, (памяти священника с. Малина, Коломенского уезда, В.В. Булгакова) // Душеполезное чтение. Ежемесячное издание духовного содержания. М. 1901. Ч. III. С. 59.

ли от них ответственные поручения, становились настоятелями известных городских храмов. Но дело в том, что особенно активную часть предреволюционной прессы интересовало только отрицательное, критическое мнение церковноначалия. Поэтому результат — замалчивание — оставался тем же и в этих случаях. Тенденциозность периодических изданий в освещении деятельности приходского духовенства в известной мере компенсировалась публикацией некрологов в «Епархиальных ведомостях»³. Некоторые из некрологов воспроизведены в известном издании Афонского Русского Пантелеймонова монастыря «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков».

В Рыбинском уезде Ярославской губ. в конце XVIII — первой трети XIX в. подвизался протоиерей Матфий Гомилевский-Рыбинский. Он с детства получил хорошую духовную подготовку, способствующую и дальнейшему продвижению по лестнице внутреннего, сокровенного обретения благодати. Отец его — священник села Петровского Романовского уезда Ярославской губернии — был отмечен благочестием и строгим отношением к исполнению своего долга. «Пример усердной молитвы отца, при которой мальчик постоянно присутствовал, породил в нем любовь к молитве», а как только научился читать, пристрастился к чтению житий святых. Один случай выделял о. Матфий впоследствии из своих детских впечатлений, как оказавших особенное влияние и на более позднее духовное становление. «Раз в рукописи одного крестьянина увидел он картинку, которая изображала жену, облеченную в солнце, и семиглавого змия, готового пожрать ее. Предмет этой картины поразил его воображение: любознательность его искала объяснения, — и неграмотная, но благочестивая его мать объяснила, как могла, что жена в этом изображении означает Церковь Христову, а змий — антихриста, врага ее»⁴ (Курсив, наш, — М.Г.).

Матфию было в это время восемь лет. А через два года (1780) его отвезли в Ярославскую семинарию, где Гомилевский (фамилия дана при приеме) учился весьма успешно. В младших классах он любил посещать церковь пророка Ильи, где фрески с сюжетами Апокалипсиса дали новый материал для его детских беспокойств о судьбе

Церкви. «Так, — пишет автор жизнеописания, — научился он сначала любить Церковь, трепетать за нее, принимать к сердцу всякое ее бедствие, а потом научно узнал, что такое Церковь, где враги ее и какие угрожают ей опасности»⁵.

Прежде всего — любить — этим отмечена вся деятельность о. Матфия. После окончания семинарии он хотел получить духовное звание, став монахом, и в 1789 г. был причислен к братству Ярославского Толгского монастыря. Но Синод не дал разрешения на постриг по молодости лет, и тогда ярославский преосвященный Арсений, очень желавший практически использовать известные ему качества этого выпускника, уговорил его вступить в белое духовенство: в 1791 г. Матфий Гомилевский рукоположен во священника в село Спасское Рыбинского уезда, где прослужил шестнадцать лет; а затем в Рыбинске потрудились протоиереем в течение двадцати трех лет. В Спасском приходе активно действовали старообрядцы беспоповского согласия, много было раскольников и в уездном центре — Рыбинске, поэтому в самоотверженном в целом служении этого пастыря, особенно значительное место заняло обращение заблудших к православной Церкви. Он не создавал конфронтацию со старообрядцами (как это случалось иногда при заступлении новых батюшек на приходы, на территории которых жили и раскольники), не выступал с обличительными проповедями. Как это ни странно, но староверы сами потянулись к нему, услышав от православных о долгих, полных службах и личных добродетелях священника. Приходили и приезжали лишь для беседы на духовные темы — не более. Но праведник воспринимал каждого, как заблудшую овцу своего стада, и с бесконечным терпением и любовью стремился его обратить. Он старался не оскорбить их религиозные чувства и даже признавал «ту твердую привязанность к вере, то постоянное исполнение предписаний закона, которые составляют существенную черту в жизни раскольников». Но в то же время убедительно показывал, что «сколь бы ни строго было внешнее соблюдение священных обрядов, оно не принесет никакой пользы христианину, пока вера его не будет споспешествуема чистою любовью». О. Матфий умел раскрывать основные истины веры и христианской нравственности, не касаясь обрядовых различий⁶.

³ Бальжанова Е.С. Образ городского священника на Урале. (По материалам некрологов рубежа XIX–XX вв.) // Уральский город XVIII — начала XX в.: проблемы социальной истории. Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2004. С. 153–159.

⁴ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Декабрь. Ч. I. Репр. 1910 г. Изд. Введенской Оптиной Пустыни. 1994. С. 272–273.

⁵ Там же. С. 273.

⁶ Там же. С. 276–277.

Процесс обращения шел медленно и как бы незаметно для обеих сторон. «Бывало, прежде беседовали они с о. Матфием просто о жизни христианской, принимали его советы, как слова умного, доброго и благочестивого человека, а теперь смотрят на него уже как на священника; прошел еще год, другой, — вот о. Матфий видит их, наконец, в числе своих исповедников. <...> Таким образом, малое стадо доброго пастыря «Бог возрастил в великое»⁷.

Как известно, деятельность людей, достигших высокого уровня духовности, раздражает тех, кто пребывает в большей или меньшей степени одержимости духом вражьи́м. Успехи о. Матфия (в том числе, — строительство нового храма в Рыбинске) вызвали жалобы на него с клеветническими наветами. Пастырь переносил все это с поразительным терпением. Летом 1830 г. протоиерей заболел (настолько сильно, что по мнению близких, был при смерти) и ушел «на покой», будучи не в силах на фоне болезни выполнять свои многочисленные обязанности: он был не только настоятелем церкви, но одновременно исполнял должности благочинного и законоучителя народных училищ. Но как только здоровье его несколько поправилось, о. Матфий стал таким же деятельным, как ранее. Миссионером он оставался всегда, при любых обстоятельствах. Служение в церкви продолжалось и вне штата, так что и в глубокой старости подвижник поражал тем, что в восемьдесят лет имел силы за одной литургией причастить более трехсот человек⁸.

Подвижническое служение на приходе могло протекать и в краткий срок и тем не менее оставить неизгладимый след в духовной жизни широкого круга мирян. Такова была деятельность священника села Малина Коломенского уезда о. Василия Булгакова. Специфика прихода и всей окружавшей приход среды, создающая дополнительные трудности в служении, здесь была иная, чем в предыдущем случае: Малино было торговым селом. Жители его почти все занимались торговлей — в Москве (50 верст) или в своем уезде; многие из них и жили подолгу в Москве, имея там свои лавки и магазины либо служа в торговых заведениях. Каждый вторник в селе бывали базары, на которые съезжались жители окрестных сел и деревень, и это стимулировало возникновение трактира в торговой части села. Автор описания полагает, что в силу этих обстоятельств «среди Малинского населения нахо-

дилось всегда немало дурных плевел с непрочными нравственными устоями»... Тем не менее, этот же автор в другой части своей работы отмечает активное посещение храма жителями села еще и до служения пастыря, о котором идет речь⁹.

Благоприятным для контактов молодого священника с прихожанами было то, что он принял приход Успенской церкви от своего отца (1888 г.). В Малино и окрестностях люди знали эту семью как благочестивую и благотворительную — отец прослужил здесь 40 лет. Сам о. Василий с детства видел в лице своих родителей и других членов семьи «живое воплощение требований, предъявляемых верою и церковным уставом». После домашнего образования он успешно закончил Заиконоспасское духовное училище, затем — Московскую семинарию. Но главным достоянием, с каким он начал и продолжил свое служение, был уровень собственной духовности, позволявший ему и с амвона, и в личном общении, и заочно — молитвенными трудами — с любовью и терпением освящать своих очень разных подопечных. «Огромной вереницей тянулись жители Малина в храм, лишь только раздавались призывные звуки праздничного колокола, и несмотря на большую вместимость, переполняли его; *не было ни одного дома, из которого не присутствовал бы кто-либо в храме в воскресный и в праздничный день, а также в течение Великого поста. Не жаловался о. Василий на отсутствие молящихся и в будничные дни, хотя, по установившемуся обычаю, службы совершались каждодневно*»¹⁰. (Курсив, наш. — М.Г.).

Много внимания уделял о. Василий детям. Он был законоучителем в местной мужской земской школе и достигал «прочного и сознательного утверждения в сердцах юных слушателей догматических и нравственных истин православного учения» путем очень живой, всегда интересной подачи разнообразного материала. От тесного благодатного контакта в рассмотрении глубоких вопросов веры до занятых чтений при «волшебном фонаре» и рождественских елок с выступлениями младших и раздачей подарков от благотворителей (в торговом селе жертвователей было немало) — во всем сказывался духовный уровень настоятеля. Многообразны были в этом приходе и дела попечительства о бедных — от создания соответствующего совета, рассматривавшего и удовлетворявшего просьбы, до строительства женской богадельни при храме¹¹.

⁷ Там же. С. 278–279.

⁸ Там же. С. 280–288.

⁹ Булгаков И. Из жизни сельского духовенства // Душеполезное чтение. М. 1901. Ч. III. С. 136, 449.

¹⁰ Там же. С. 131–288.

¹¹ Там же. С. 236–237, 239–241, 450–451.

При всей активности служения на приходе о. Василий Булгаков проявил себя еще и как автор статей в жанре церковной публицистики, именно того конструктивного ее направления, которое стремилось противостоять разрушительным предреволюционным тенденциям периодической печати. Так, в ответ на несправедливые суждения в печати и обществе о священниках он пишет статью «В защиту духовенства», где показывает необоснованность этих выпадов¹². Большая часть его статей содержит конкретные, рожденные собственным духовным опытом и высказываниями отцов Церкви суждения об основных составляющих пастырского служения¹³.

Высоким духовным возрастом священника отмечено почти сорокалетнее служение на одном приходе известного протоиерея Александра Юнгера (1841–1880 гг.; Троицкая церковь села Балаково Саратовской губернии). Богослужения его отличались благоговейностью, тщательным согласованием с церковным уставом; служил он часто и проповедовал убедительно. Проникновенные наставления он произносил при каждом посещении домов прихожан — с требами или на крестохождении. Его необыкновенное сердечное расположение к слушателям и собеседникам «неотразимо-магически» действовало на людей, по свидетельству участников событий. «Полураскольнический приход стал постепенно преобразоваться в православный. <...> Прежде бегавшие от священника или запиравшие ворота от св. икон прихожане стали с радостью за целый квартал готовиться к встрече батюшки — желанного гостя и к приему св. икон»¹⁴.

«Созидая духовный храм в прихожанах, пастырь не мог быть покоен при виде бедности, ветхости и заметной всем маловместимости материального храма Троицкой церкви, и начал хлопотать пред уездным ведомством, которому принадлежало Балаково, о построении новой церкви». В 1861 г. она была освящена. Но вскоре и новая церковь стала тесной. Волжское пароходство переживало в это время период интенсивного развития, и село Балаково стало заметным торговым центром, а церковь посещали и свои жители и иногороднее

Протоиерей Александр Юнгеров

купечество. Благодаря заботам о. Александра, (и, главное, молитвам его), в 1875 г. храм был расширен втрое, а в 1878–79 годах окончательно отделан внутри и снаружи¹⁵.

Осенью 1880 г. о. Александр просил церковноначалие передать приход в Балаково его сыну — священнику Василию Юнгерову. Приход передали сыну, но преосвященный Серафим не отпустил о. Александра «на покой», а направил в Чагинский женский монастырь Самарской губернии. Здесь-то и получили особенно широкую известность дары святого старца, в течение двадцати лет принимавшего, исцелявшего, просвещавшего по-

¹² Церковный вестник. 1896. № 44–45.

¹³ Пастырь, как проповедник. // Московские церковные ведомости. 1898. № 22; Живое слово // Московские ведомости. 1898. № 299; Пастырь как совершитель литургии св. Василия Великого. // Московские церковные ведомости. 1897. № 14–15; Слава в вышних Богу // Московские церковные ведомости. 1897. № 46 и другие.

¹⁴ Протоиерей Александр Степанович Юнгеров. Некролог с портретом и подписью. Казань, 1909. Издание полностью воспроизведено в «Жизнеописаниях отечественных подвижников...», Декабрь. Ч. II. 1995. С. 256–257, 261. Автор этой вышедшей через девять лет после кончины о. Александра работы нам не известен. Но из самого текста явствует, что он не только непосредственно общался с ним (с. 261), но присутствовал многократно при литургическом его служении: «Помнится, — пишет этот автор, — никогда мы не видели, чтобы без слез, струившихся по лицу покойного, он благословлял за литургией освящаемые во время «Тебе поем» св. Дары». (С. 260).

¹⁵ Там же. С. 257–258.

сетителей «из разных концов России». Монастырский период деятельности, этого прославленного святого, выходит за пределы темы данной статьи¹⁶.

Скромный пастырь Архангельской, а потом — Преображенской церквей г. Ельца (Воронежская епархия) отец Иоанн Борисов (1750–1824), сын священника, выпускник Воронежской семинарии, отличался необыкновенной духовной проникновенностью во всех обычных для приходского батюшки делах. Во время служения, как свидетельствует современник, «являл великое благоговение и умиление и примером своим возбуждал страх Божий в сердцах присутствующих в храме». То же самое было и при исполнении всех треб в домах прихожан. При полной нестяжательности и подвижническом образе жизни, о. Иоанн навещал очень многих, «а особенно тех, которые замечены им в дурном поведении», и всегда это имело положительный результат. Также и дома у себя принимал «с назиданием и утешением», и «без пользы душевной никого от себя не отпускал»¹⁷.

Деятельность этого священника не ограничивалась своим приходом: он посещал тюремный замок, больницы, бедные дома. С годами стали замечать у него дар прозорливости. Благодатный пастырь иногда приоткрывал его с назидательной целью, в частности, для обнаружения лжи. Благочестивый город Елец любил и ценил о. Иоанна Борисова. В последний путь его провожал «до могилы весь город и тысячи окрестных жителей. Вопль бедных и нищих почти заглушал пение духовных»¹⁸.

В Воронежской епархии подвизался в приходском служении и протоиерей Александр Иванович Бунин. Он священствовал в г. Богучаре более пятидесяти лет (1818–1871), и по свидетельствам современников, «горел необычайной ревностью и любовью к церковному Богослужению». На его деятельности мы имеем возможность остановиться несколько подробнее, т. к. в 1902 г. в Богучаре была издана книжка о нем¹⁹, повторенная с сокращениями в «Жизнеописаниях отечественных подвижников благочестия» (Август). Отец Александр родился в 1792 г. в селе Верхнем Карачане Новохоперского уезда Воронежской губернии в семье священника. Образование получил в Воронеже — в духовном училище, а затем — в семинарии, совмещая весьма успешную учебу с репетиторским

трудом за маленькую плату (дома большая семья рано осталась без отца). Его репутация в семинарии была такова, что еще студентом он преподавал там французский язык и математику, а по окончании получил место священника в уездном городе Богучаре — сначала в Богородице-Рождественской, а через 12 лет — в Троицкой церквях²⁰.

Протоиерей Александр Бунин

В городском соборе служило несколько священников, и отец Александр проявлял постоянную благожелательность к своим сотоварищам, а потом, когда стал настоятелем и благочинным, — к подчиненным. Всегда был готов заменить в служении кого-то; скрывал их недостатки перед прихожанами, а самих провинившихся наставлял мягко, с любовью; не показывал свое превосходство в духовном уровне и образовании. «Но стоило наедине серьезно обратиться к почтенному пастырю

¹⁶ См. об этом: Жизнеописания отечественных подвижников... Там же. С. 266–276; Подвижники Самарской земли. Авторы-составители Игорь Макаров, Антон Жоголев. Самара, 1995. С.36–55.

¹⁷ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия... Июнь. С. 316–319.

¹⁸ Там же. С. 319–325.

¹⁹ Пастырь-подвижник. Описание жизнедеятельности богучарского протоиерея Александра Ивановича Бунина. 1792–1871 г.г. Богучар, 1902.

²⁰ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия... Август. С. 639–643.

за разрешением какого-либо вопроса научно-богословского характера, как он — всегда скромный, оживлялся и поражал собеседника глубиной своего богословского мирозерцания, современностью взглядов и логичностью мыслей». Его собственное служение в церкви отличалось уставной полнотой (длительностью) и проникновенной духовностью. В силу теплого отношения праведника к сослуживцам и подчиненным, его превосходство не раздражало, и они обращались к о. Александру не только по делам службы, но и по семейным своим проблемам. Его поддержкой пользовалось отнюдь не только духовенство своего храма. Особое внимание оказывал протоиерей «неудачникам»: молодым людям, уволенным из духовного училища или семинарии, не имевшим не только занятия, но подчас и жилья, нуждавшимся в сильной поддержке. Они являлись в Богучар из разных мест епархии (такова была уже известность Бунина) и обращались к нему с просьбой дать им какое-либо временное дело с последующим устройством, с его помощью, на место причетника, диакона или на частную службу. Таких людей отец настоятель размещал в собственном доме или во флигеле, и ради них открыл при своем доме особого рода школу: учителями в ней были «неудачники», а учащимися — дети беднейших членов причта, из таких семей, которые не могли сами подготовить их к поступлению в духовное училище. Отец Александр преподавал в этой школе Закон Божий, а главное, следил за всем процессом обучения и присматривался к учителям, дабы определить их дальнейшее назначение. Испытание было долговременным. Затем он наиболее способных рекомендовал епархиальному начальству на должности диаконов и псаломщиков (архипастыри считались с его рекомендациями); других — в духовное правление писцами, сторожами и пр.; иных — на службу к частным лицам. При этом протоиерей Александр был законоучителем в обычном приходском, а затем — уездном училище. Уроки его проходили как душевная беседа с учениками с запоминающимися примерами из Ветхого и Нового Завета²¹.

Отношение о. Александра к простому люду особенно проявлялось в исполнении им треб. К нему обращались не только прихожане, но и жители окрестных хуторов и сел. Подвижник никогда не выяснял, почему они не обратились к своему священнику, а спешил выполнить просимое, несмотря ни на болезненное собственное состояние,

усталость (а позднее — и возраст), ни на отдаленность и крайне неблагоприятную погоду. Сохранились рассказы современников, встречавших его в поле на дороге в бурю (кучер замешкался, а протоиерей боялся опоздать к умирающей) и другие свидетельства самоотверженной готовности откликнуться на каждую просьбу. Во время эпидемии холеры протоиерей Бунин «едва ли не один за всех священников» напутствовал больных, «одних ободряя надеждою выздоровления, других примиряя с неизбежностью смерти». Во время Крымской войны он же организовывал отправляемые из Богучара на фронт транспорты с припасами и одеждой. Этому способствовало почтение к нему местных помещиков²².

К протоиерею-подвижнику постоянно обращались за советом и помощью люди всех сословий. Этот поток увеличивался по мере возрастания его известности — сначала по уезду, а потом — за его пределами. Особенно он был известен, как миротворец в тяжелых случаях семейного разлада. Не менее привлекала к богучарскому протоиерею и его широкая благотворительность (личная и организуемая им). Здесь следует отметить его контакт со святителем Антонием (Смирницким), проявлявшим постоянную заботу о вдовах и сиротах бедных лиц духовного звания. Не менее сказывался духовный уровень о. Александра в его способности подвигнуть верующих на подачу средств для строительства церквей. Это относится не только к храмосодательству в Богучаре. При его живом и непосредственном участии были построены церкви в его благочинии, в слободах Дьяченковской, Купянке, Поповке, Лофицком, Загребайловке, Данцевой, Грушевой, Дубовиковой, Липчанке, Шуриневке, Грековне и др.²³

Удивительную самоотверженность проявлял в служении на разных приходах Тверской епархии и в своей личной жизни протоиерей Матфей Александрович Константиновский (1791-1857). Сын дьякона, он получил серьезное духовное воспитание с раннего детства. По окончании Тверской семинарии служил сначала дьяконом в погосте Осечно, Вышневолоцкого уезда. При крайней бедности (он содержал мать-вдову и двух малолетних сестер и полевую работу исполнял сам) о. Матфей быстро стал известен своими подаяниями и гостеприимством нищим и странникам. Через семь лет дьяконского служения, он получил запрос преосвященного Филарета (будущего святителя

²¹ Там же. С. 652–662.

²² Там же. С. 648–660.

²³ Там же. С. 647–648, 653, 659.

Московского), с предложением священнического места в селе Диеве, где провел тринадцать лет. Затем — перемещение в село Эсько (Еськи) «по неотступной просьбе его жителей», и наконец, в г. Ржев — сначала к Спасопреображенской церкви, потом — в Ржевский Успенский собор²⁴.

В силу исключительной активности пастыря, и главное, высокого уровня духовности он, несмотря на перемещения, обретал во всех местах служения сердечный контакт с прихожанами. Для него недостаточно было учить народ в храме. Будучи еще диаконом в Осечне, а потом и в других местах, он ходил по деревням, по домам — «всюду, где только мог, сеял семена слова Божия». Кроме того, в его доме собирались благочестивые прихожане для совместного духовного чтения, пения и получения советов. Обретение отцом Матфеем уважения и доверия прихожан вызвало у некоторых лиц зависть, и добродетели его, перевернутые клеветой, стали поводом для доноса: прием странников был назван укрыванием беглых, а домашние встречи — распространением какого-то еретического учения. Началось даже следствие. Но архиепископ Тверской Григорий сам сделал ему допрос и убедился в его невиновности²⁵.

Во Ржеве благотворительные свойства протоиерея привлекли к нему внимание благотворителей, и он имел возможность содействовать украшению нескольких храмов города и даже посылать пожертвования на Афон. Кроме пастырского служения протоиерей Матфей Константиновский исполнял здесь еще обязанности сотрудника Тверского епархиального попечительства, катехизатора, благочинного, цензора проповедей и увещателя по секретным делам. В 1853 г. он был вызван в Петербург для подготовки к миссионерской деятельности против раскольников. В столице он остановился в принадлежавшем Синоду доме, где разместили и других священников, прибывших из разных епархий по этому же запросу. Но вскоре был приглашен в дом Т.Б. Потемкиной и служил в ее домовых церкви. Здесь число посещавших его петербуржцев увеличивалось с каждым днем. Та же ситуация повторилась позднее в доме и домовых церкви графини М.В. Адлерберг. По окончании миссионерской подготовки отец Матфей вернулся в Ржев. Подвижник был известен и в Москве, где для многих стал руководителем духовной жизни²⁶.

В Карсунском у. Симбирской губернии 35 лет

(1793–1828) прослужил на одном приходе, в с. Беклемишеве, священник Петр Стефанович. Он родился в этом же селе, где отец его был более сорока лет священником и благочинным. Все образование его было домашним: с ним занимался отец, а позднее и некоторые из помещиков. Так, владелец села Н.А. Беклемишев, любивший петь и читать на клиросе, подготовил подростка к церковному пению; библиотека другого помещика расширяла круг его чтения. Некоторые из священников этой губернии отправляли своих детей в Казанскую духовную академию, другие же давали домашнее образование и записывали их в причетники в своем приходе. Выбору отцом Стефаном второго варианта способствовало то, что «весьма рано пробудилась» в его сыне «любовь к чтению священных книг и любовь к благочестию». На четырнадцатом году Петр был уже чтецом, а в восемнадцать лет рукоположен во дьякона. Через год после этого занял место умершего отца — стал священником²⁷.

Несмотря на необычно ранний для пастыря возраст, отец Петр проявил уже в первые годы своей деятельности такое умение и сильное духовное влияние в общении, как с крестьянами, так и с помещиками. В простонародной среде он особенное внимание уделял преодолению двух отрицательных явлений. Первое из них — равнодушие некоторых крестьян, даже воцерковленных, к религиозному воспитанию своих детей. Священник добивался, чтобы чаще приводили детей в церковь, и ставили их впереди, перед амвоном, дабы внимание, пусть и наивное, сосредотачивалось на священнодействии; учил отцов не торопиться отправлять подростков и юношей «на сторону», ради заработков, дабы не терять «духа благочестия ради практических интересов». Юношей он собирал у себя дома по воскресеньям для бесед, а в 1822 г. построил за свой счет дом для сельского училища, где в первом отделении учителя из грамотных крепостных (о. Петр оплачивал их труд из личных средств) учили младших письму и чтению, а во втором — он сам «учил молитвам, объяснял заповеди, литургию, таинства». Обучение не было ни для кого обязательным, тем не менее ежегодно в училище насчитывалось 30–40 учеников²⁸.

Вторым отрицательным явлением в крестьянской среде, борьбе с которым пастырь-подвижник уделял особенное внимание, было «волшебство» («ведьство»). «Отец Петр противодействовал ему

²⁴ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия... Апрель. С. 199–203.

²⁵ Там же. С. 211–212.

²⁶ Там же. С. 204–205; 216–219.

²⁷ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия... Октябрь. С. 723–725.

²⁸ Там же. С. 727–728.

всеми зависящими от него средствами». Он стремился искоренить доверие к ведунам-колдунам, а их самих подвергал церковному отлучению. Простой народ хорошо воспринимал поучения священника, который часто появлялся на сходках, в конторах, на крестинах и свадьбах, в густой толпе при экстраординарных событиях и в тишине одинокой избы²⁹.

Не меньшей популярностью пользовался беклемишевский иерей и в среде помещиков. Он был «собеседником, наставником и духовником почти всех соседственных дворянских домов»: Нефедьевых, Кондратьевых, Араповых, Саврасовых, Соковниных, Соломоновых, Гладковых, Бабкиных, Плотовых и др. Здесь отрицательное явление, требовавшее его особого внимания, было иное: западное влияние энциклопедистов XVIII в. проникало и в эту глушь. Один помещик прислал даже самому священнику, вместе с другими книгами, сочинение Вольтера с собственным положительным отзывом. О. Петр вернул сочинение со следующим отзывом: «Если, как Вы говорите, славный ученый старик, 60-ти лет, занимается и рассеивает в публике такой яд, то я не знаю, что и подумать об нем: он должен быть человек самой безнравственной и испорченной совести. А Вы дивитесь его уму и остроумию; ведь и Ванька-Каин и Стенька Разин — были в своем роде остряки, так неужели стоит хвалить их? О славе Вольтера вот что скажу: лучше быть бедным комаром, никем не замечаемым, чем пирамидой, рождающей проклятия». И другое темное пятно в духовной жизни этой среды, от которого ему удавалось исцелять подопечных: иные из дворян, «принося пожертвования на благолепие храмов, не заботились о сознательном усвоении истин христианства и приложении их к своей жизни»³⁰.

Существенный материал о подвижниках, служивших на приходах городов Урала в рассматриваемый нами период, обобщен современной исследовательницей Е.С. Бальжановой по некрологам в «Епархиальных ведомостях» конца XIX – начала XX вв., составленных священниками, хорошо знавшими умерших. Автор подчеркивает, что к своим основным — пастырским обязанностям эти иереи относились не только с ответственностью, но и с любовью. Им были присущи: готовность служить в церкви с радостной настроенностью «и

в очередь и не в очередь»; отзывчивость на нужды и просьбы прихожан: «во всякое время дня и ночи», «без пререканий и промедлений» спешили и к бедному, и к богатому исполнить требы; свет «евангельской любви и братства» в проповедях и частных беседах³¹.

Эти же священники успешно выполняли значительные, порой многочисленные, обязанности в учебных, церковных и общественных учреждениях и организациях, где также сказывался высокий уровень их духовности. Так, протоиерей Александр Александрович Удинцев в течение 42 лет службы был законоучителем мужского Верхотурского училища 27 лет, а женского — 33 года; председателем Верхотурского отделения Епархиального училищного совета — 12 лет; благочинным градо-верхотурских и восьми сельских церквей — 19 лет; директором Верхотурского тюремного отделения — 18 лет; катехизатором — 9 лет. И это еще не полный список его обязанностей³².

Протоиерей Петр Семенович Киселев в начале своей деятельности был попечителем и казначеем в Пермском епархиальном попечительстве о бедных духовного звания; около 9 лет — законоучителем в народном училище и в Пермских батальонах кантонистов; без малого 30 лет состоял членом правления Соликамского духовного училища; с 1861 г. — директор местного тюремного отделения и действительный член Пермского статистического комитета; неоднократно присутствовал как представитель духовенства на земских собраниях в 1891–1893 и 1895 годах³³.

Должности протоиерея И.П. Любимова во время его долголетней службы на приходе в Перми: присутствующего в духовной консистории; попечителя о бедных духовного звания; смотрителя духовного училища (23 года «пользуясь все это время искренней любовью и доброй памятью учеников»); в семинарии возглавлял кафедру Священного Писания³⁴.

Значительной спецификой отличалось служение приходского священника на окраинах России. И в этих условиях успех их деятельности определялся прежде всего, духовным уровнем пастыря. На Кубани например, церковь была тесно связана с войском, с казачеством. Станичные батюшки не противостояли войсковым священникам, а в каких-то конкретных ситуациях были даже вза-

²⁹ Там же. С. 730.

³⁰ Там же. С. 728–729.

³¹ Бальжанова Е.С. Указ. соч. С. 157–158.

³² Бальжанова Е.С. Указ. соч. С. 156.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 157.

имозаменяемы³⁵. Общий религиозный уровень казачества благоприятствовал служению иерея, но гражданское и военное ведомства налагали на него немало административных обязанностей, в том числе совсем не связанных с церковным служением. Предреволюционные и современные исследователи при общей положительной оценке приходского духовенства Кубани, выделяют особенно деятельность о. Евфимия Тимофеевского³⁶. Выпускник Владимирской семинарии, он откликнулся на призыв кавказского начальства к духовенству центральных губерний служить во вновь заселяемых станицах и стал первым священником станицы Холмской и первым благочинным Абинского полка. Подвижник, совсем не знавший ранее казацкой среды, успешно проникает за счет своего духовного видения в актуальные для этого времени социальные и семейные проблемы и с амвона обращает внимание на религиозно-нравственный смысл их решения. Так, например, о. Евфимий выступал против отделения молодых семей от родителей после венчания, т. к. при этом «утрачиваются лучшие духовные качества христианина. Любовь и почтение к старшим в семье, смирение и уступчивость пред ними <...>»³⁷.

Сверх всех своих многообразных дел этот станичный батюшка хлопотал о приобретении духовной литературы для всех приходов благочиния; ратовал на страницах Ставропольских епархиальных ведомостей за ведение приходских летописей; составил статистико-этнографическое описание станицы Холмской³⁸. Так плоды живой веры дают человеку и высший познавательный инструмент.

Величайшее содействие возвращению на истинный путь заблудших душ из образованных дворян оказал ныне прославленный в соборе сибирских святых приходской священник Стефан Яковлевич Знаменский. Но именно эта сторона его многообразной деятельности наименее известна. Дело в том, что это были ссыльные декабристы и члены их семей. Поэтому в церковных описаниях жизни подвижника эти контакты обходятся молчанием, а в светских, особенно советского времени, контакты с декабристами отмечены, но в описании их отсутствует главное: влияние протоиерея на их духовное преображение.

О. Стефан (1804–1876), сын священника, богословское образование получил в Тобольской семинарии и уже в двадцать лет был рукоположен во священника. Он служил приходским батюшкой в Барнауле, Кургане, Тобольске, Ялуторовске, Омске, и всюду проявлял себя как усерднейший в святом деле пастырь. «С требую

Деревянный Воскресенский собор
Черноморского казачьего войска (сер. XIX в.)

он был готов идти или ехать во всякое время дня и ночи, во всякую погоду» (а ведь это Сибирь!). «С одинаковым усердием и всегда поспешно отправлялся он и к богатому, и к бедному, к знатному и незнатному, пешком ли с тростью в руках, в коляске или в простой телеге». При этом расположение приходов было различным. Например, в Кургане и Ялуторовске его приходы включали много деревень, отстоявших от города на 15, 20 и 40 верст³⁹.

³⁵ Горожанина М.Ю. Военные священники. // Дело мира и любви. Очерки истории и культуры православия на Кубани. Краснодар. «Православный Екатеринодар», «Традиция». 2009. С. 201.

³⁶ Виноградов Николай, свящ. Священник Евфимий Тимофеевский. Биографический очерк. Кубанский сборник. 1913. С. 293–302; Кузнецова И.А. Станичный батюшка // Дело мира и любви... С. 213–214.

³⁷ Кузнецова И.А. Указ. соч. С. 214.

³⁸ Там же. С. 213–214.

³⁹ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия... Июнь. С. 419–422.

О. Стефан Знаменский отличался образованностью, и совершенствовал ее постоянно. В продолжение пятидесяти лет службы на приходах исполнял дополнительно должности члена консистории и духовных правлений, эконома семинарии, благочинного, миссионера среди раскольников⁴⁰, законоучителя в уездном училище и губернской гимназии, экзаменатора по Закону Божию в разных учебных заведениях. Бескорыстный, нестяжательный, он всегда находил возможность благотворительствовать другим⁴¹.

Из дел, выполняемых сверх основного служения, особенной любовью праведника пользовалось школьное образование. На этой почве и начинались его контакты со ссыльными декабристами. В Ялutorовске он активно сотрудничал с И.Д. Якушкиным по созданию народной школы⁴². В дальнейшем о. Стефан был в большей или меньшей степени близок со всеми декабристами курганской, ялutorовской и тобольской колоний. Но наиболее близкие отношения он поддерживал с Фонвизинными, а это обстоятельство способствовало его духовному влиянию и на других ссыльных. Дело в том, что вокруг Наталии Дмитриевны Фонвизиной сложился кружок единомышленников, а о. Стефан был ее духовником. Остановимся на этом несколько подробнее, так как некоторые архивные и опубликованные материалы приоткрывают немного истинный характер взаимоотношений сибирского протоиерея с ссыльными.

В архивах сохранилась обширная переписка о. Стефана Знаменского с Н.Д. Фонвизиной, частично опубликованная сыном протоиерея, художником Михаилом Степановичем Знаменским⁴³. В переписке затрагиваются разные вопросы жизни семей Знаменских и Фонвизинных, но особенно значима в ней духовная тема, при чем обнаруживается и тонкий, прикровенный характер наставлений подвижника своим чадам. В рукописи о. Стефана «Добрые и полезные наставления» сформулирован этот подход: «Когда хочешь кому подать добрый совет в

пользу дела, то не говори тоном учительским, который всегда имеет нечто суровое, напротив, с тихостью наставляй, советуй, увещай примером <...>»⁴⁴.

Как это делали и другие старцы, сибирский батюшка нередко говорит о собственных грехах, присовокупляя к этому наставление общего характера, необходимое для собеседника или адресата. «О себе скажу тебе, что проклятое Я во мне очень, очень живо», — писал он Н.Д. Фонвизиной. И в другом письме на эту же тему: разум «везде хочет нанизывать только себя, свои доводы и убеждения, и сколь бы они тверды сначала ни казались, под конец делаются как паутина, которую и малый ребенок духовный разорвет одним прикосновением. Блаженны те, кои познали нищету свою духовную, они ничего себе не приписывают, кроме падения и грехов, а все доброе, что только в них и от них произойдет, приписывают Единому Господу, не словами только, но и от всего сердца <...>»⁴⁵. В то же время он признавал и в одном из писем подчеркивал особенности свободы каждого человека: «... у каждого были свои повороты и свои следы в дороге, а путь один; повороты и свои следы разумно оттого, что каждый отдельно взятый человек есть мир особый, с другим во многом не схожий, и свободой своею особый отличаться на дороге»⁴⁶.

О высокой степени духовного влияния о. Стефана на ссыльных декабристов и их семьи писал в некрологе священник о. Александр Сулоцкий, сам входивший в их круг в Тобольске и хорошо знавший Знаменского: «<...> лица знатного происхождения и высокого образования, но по несчастью жившие в Сибири, наперерыв искали его знакомства, избирали его себе в духовники и вообще в руководители в духовной жизни, вели с ним переписку даже и по возвращении в Россию <...>»⁴⁷. Есть основания полагать, что праведный Стефан Омский косвенно (через Фонвизину и ее окружение), а может быть, и непосредственно (в Омске), оказал влияние и на духовное становление ссыльного петрашевца — Ф.М. Достоевского⁴⁸.

⁴⁰ В одну из своих миссионерских поездок в 1838 г., в пограничье Ялutorовского и Курганского округов — в селе Щучье и соседних деревнях — о. Стефан склонил до 1000 раскольников к единоверию и 200 человек — в православие. Там же. С. 428.

⁴¹ Там же. С. 419, 426.

⁴² Дружинин Н.М. Декабрист И.Д. Якушкин и его ланкастерская школа // Ученые записки Московского Городского Педагогического института. 1941. Т. 2. Вып. 1. С. 47.

⁴³ РО РГБ. Ф. 319. Фонвизины. Оп. 1. Папка 2. Д. 12–17, 20; РГАЛИ Ф. 765. М.С. Знаменский. Оп. 1. Д. 85 и др.; Наталия Дмитриевна Фонвизина. (Из бумаг протоиерея Знаменского). Публикации М.С. Знаменского // Литературный сборник. СПб., 1885.

⁴⁴ РГАЛИ Ф. 765. Оп. 1. Д. 63. Л. 3об. — 4.

⁴⁵ РО РГБ. Ф. 319. Оп. 1. Папка 2. Д. 14. Л. 3об.; Д. 15. Л. 6.

⁴⁶ РГАЛИ Ф. 765. Оп. 1. Д. 95. Л. 1об.

⁴⁷ Там же. Д. 94. Л. 1.; Д. 88. Л. 30, 408.

⁴⁸ Громыко М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. Новосибирск, 1985. С. 88–101.

Иные трудности были у пастырей, приходы которых располагались в местах населенных сибирскими народами. Среди окормляемых ими прихожан было много нерусских, недавно отошедших от язычества-шаманизма. Кроме того, из-за недостаточного количества духовенства в Сибири, приходских священников привлекали к деятельности Духовной миссии за пределами их приходов. Они же посещали дальние, расположенные в тайге или в горах, поселения христиан-кочевников, не имевших постоянного духовного окормления. Конкретно предстают особенности такого служения, например, из дневниковых записей самого священника — о. Никандра Титова, опубликованных Х.В. Поплавской⁴⁹. Он служил в Нерчинском округе в Предтеченской церкви поселка Зюльза. В его заметках затрагиваются события 1902-1911 годов; особенно подробно описано служение вне прихода (поездки) в 1904 и 1907 годах. Записи предназначались для отчетов в Забайкальскую Духовную миссию, но попутно они отражают и жизнь прихода.

«В 1902 и 1903 годах», — пишет о. Никандр, — «некоторые бродячие орочёны обращались ко мне с просьбою о посещении их отдаленной тайги для исполнения у них духовных треб». С конца 1903 г. он начал готовиться к поездке — закупать иконы, крестики, свечи, ладан, крестильные рубашки и пр.; заказал палатку со всем необходимым для походной церкви. Выехали в феврале 1904 г. по р. Нерче до улуса Кыкэрского, населенного православными инородцами, где можно было совершать требы в церковно-приходской школе. Далее — по притоку Нерчи — на север, Становой хребет перевалили по глубокому снегу. Там была «непроходимая, безлюдная тайга». (Лошади ели снег и падали от изнурения). «На Усть-Каранге я встретил до 100 орочён обоого пола, выполнил духовные требы и проехал на паре в санях <...> 120 верст, где собравшихся орочён обоого пола было до 450 душ, юрты которых были рассеяны в окрестностях <...>, приходилось их объезжать по отдельности»⁵⁰.

Здесь надо было не только выполнять требы, но «привлекать в христианство язычников, беседуя с ними о преимуществе православия. Подготовленных к таинству я собирал в свою палатку для совершения крещения, если же они по много-

численности не вмещались в нее, тогда, по моему предложению, в лесу разводились костры, около которых ставились складные стол для креста и крещального прибора и стул для постановки купели. Готовящиеся ко крещению с восприимниками становились около костров, и совершалось крещение под открытым небом, при 40° (сорокаградусном морозе). Получалось что-то необыкновенное, духовно торжественное, когда многочисленный сонм новокрещенных орочён с их восприимниками обходил кругом купели и костров при пении: «Елицы во Христа креститесь...», имея в руках зажженные свечи, и в праздничном, духовно-радостном настроении. Невольно вспомнилось при этом Крещение Руси»⁵¹.

Венчание браков совершалось также в палатке или под открытым небом. Затем о. Никандр исповедал и причастил до 100 бродячих орочён и попросил у родового их старосты оленей с проводником для посещения юрт, расположенных в недоступных для проезда на лошадях местах. Проводников дали трех; ехали без какой-либо тропинки по глубокому снегу; нередко сани опрокидывались и батюшка вылетал из них в снег. В недоступных для оленей местах добирались до юрт пешком, потом возвращались к оленям. Праведник трогательно описывает благожелательный прием в юрте, благоговение и внимательность всей семьи. Совершенно справедливо автор вводной статьи к публикации дневника Х.В. Поплавская отмечает любовь о. Никандра Титова «к своему делу и к тем людям, среди которых он служит и проповедует»⁵².

С большими трудностями связано и летнее передвижение в этих местах. В дневнике сообщается, что 30 мая 1907 г. к о. Никандру пришел из Кыкэрского улуса человек с прошением от тунгусов — «поднять к ним св. иконы из Зюльзинского храма для низведения на них чрез принесение означенных святых икон милостей Божиих, особенно дождя, столь нужного для погибающей растительности вследствие продолжающейся засухи». Пастырь «душевно радуясь проявлению такой веры и усердия к Св. Церкви», охотно согласился, прибавив еще заход в Акиминский улус (оба селения отстояли от Зюльзы более чем на 100 верст). При этом он наметил выход крестного хода на день Св.

⁴⁹ Дневник сотрудника Забайкальской Духовной миссии, священника Зюльзинской Предтеченской церкви Никандра Титова. Вводная статья и публикация — Х.В. Поплавская // Традиции и современность. Научный православный журнал. М. 2002. №1 С. 100–123.

⁵⁰ Там же. С. 109–110.

⁵¹ Там же. С. 110.

⁵² Там же. С. 105, 111.

Духа, а сам отправился в Читу — по неотложным делам прихода. Вернувшись за три дня до намеченного срока, о. Никандр застал в Зюльзе ожидающих его уже несколько дней мужчин, женщин и детей из улуса. В день Св. Духа, после литургии, когда священник «наскоро подкрепившись чаем» укладывал вещи в дорогу (через два часа прозвучит особый церковный звон, возглашающий о начале крестного хода), к нему явилась группа орочен с просьбой совершить венчание над двумя парами, приехавшими издалека, что и состоялось. Затем о. Никандр вручил новобрачным и сопровождавшим их лицам иконы и беседовал с ними о воспитании детей⁵³.

Крестный ход отправился, несмотря на жару, доходящую до 40°, по болотистым и горным местам. Перед ночлегом батюшка с проводником, псаломщиком и церковным старостой выезжали верхом вперед, чтобы выбрать место без ядовитых змей. Всеночное бдение он служил святителю Иннокентию Иркутскому — первому сибирскому миссионеру. Паломники ставили свечи перед пнем, на котором был возложен антиминс, а запрестольные иконы — в палатке. Всеночная сопровождалась всеми обычными песнопениями, а затем священник рассказал, как в V в. при императоре Феодосии Младшем в Константинополе коллективным молением было остановлено страшное землетрясение, родилась молитва «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный». При этом объяснил, как нужно молиться о дожде — с покаянием и верой в то, что это будет ниспослано. Ночью в палатке (все спали на траве у костров) о. Никандр не мог уснуть из-за комаров и боли от верховой езды⁵⁴.

Дождь пошел, когда приближались к Кикэру. Он был обильный — теперь можно было надеяться на нормальный урожай хлеба. Довольные, веселые и промокшие паломники входили в улус. На следующий день о. Никандр крестил младенца, а затем по «приглашению улусян ходил по домам их для совершения водосвятных молебнов при многочисленном сонме молящихся, благословляя каждого домохозяина св. иконой и вручая ему для назидания книжку или листок духовно-нравственного содержания, а также против современных пороков пьянства, картежной

игры, сквернословия, воровства, распутства, атеизма, социализма, забастовок и проч». Совершено было более двадцати молебнов. Потом молебен на озере и крещение взрослого из мусульман. Затем батюшка с некоторыми тунгусами и ороченами занялся устройством палатки на кладбище со всем необходимым для совершения всенощной (а завтра — литургии) и поминовения всех усопших, там похороненных. После всенощной пастырь-миссионер сказал слово о необходимости исповедоваться и причащаться и принял исповедь у 59 человек. Пребывание в улусе священника и радость по поводу посланного по общим молитвам дождя создали в улусе праздничную обстановку — пасхальную, как определяли жители. Батюшка совершил еще всенощную и литургию в церковноприходской школе, чтобы дать возможность причастить всех младенцев и дряхлых. Такое же служение прошло и в соседнем Акиминском улусе. При обратном движении крестного хода паломников остановил казак у принадлежавшего ему хлебного поля, где был совершен молебен с водосвятием. А в Зюльзе о. Никандра уже ждал с нетерпением собственный приход и заявка на следующий выезд в дальние селения⁵⁵.

Завершая наш краткий обзор служения на приходах священников высокого уровня духовности в разных условиях России XIX в., следует сказать о самом известном из них — великом святом Иоанне Кронштадтском, занимавшем этот скромный пост. Читатели нашего журнала много знают о нем, поэтому позволим себе привести здесь лишь свидетельства писателя А.В. Круглова, непосредственно наблюдавшего деятельность праведника и общавшегося с ним в Кронштадте и других местах. Значение этих впечатлений имеет особую ценность потому, что они были опубликованы при жизни Иоанна Кронштадтского⁵⁶.

Писатель ехал в Кронштадт «в будничном настроении, занятый земными делами, можно сказать, далекий Небу, ехал с удрученной душой, с омраченным сердцем». На общей исповеди он, как и многие присутствовавшие, пережил особое состояние просветления и освобождения от духовной тяжести; «чувствовалось присутствие какой-то высшей благодатной силы»⁵⁷.

⁵³ Там же. С. 110–113.

⁵⁴ Там же. С. 113–114.

⁵⁵ Там же. С. 114–121.

⁵⁶ Круглов А.В. «Кронштадтский пастырь» // Душеполезное чтение. Ежемесячное издание духовного содержания. М., 1901. Ч. III. С. 334–344, 535–552.

⁵⁷ Там же. С. 536–537.

Св. прав. Иоанн Кронштадтский

Круглов описывает повседневный труд протоиерея. Заутреня начиналась в 4 часа ночи, за ней — обедня и «О. Иоанн приобщал до 12 часов дня». Затем — поездки по частным домам, гостиницам, больницам — всюду, где его приглашали и ждали с волнением и благоговением. Вечером — отъезд в Петербург, и «если из Петербурга не увезут о. Иоанна куда-либо», он возвращается домой в первом часу ночи. Дома его ждет множество народа, десятки новых неотложных приглашений, новых писем. Не было определенных часов для питания и сна — только урывками. Нередко приходилось проводить их в вагоне железной дороги или в карете. Современники справедливо полагали, что «уже одна эта многотрудная жизнь о. Иоанна сама по себе представляет собой величайшее чудо. Только человек благодатный может выносить в течение стольких лет такую массу непрерывного труда, напряжения, столь много всевозможных лишений»⁵⁸.

О. Иоанн, постоянно наставляя молодежь, горячо и проникновенно говорил о значении церковной службы, и соответственно, посещения Церкви. «В храме предлагается высшая школа

действительной, высокой, благородной, полезной и благотворной жизни. <...> Голос церковных чтений, песней, молитв и молений, — это голос душ наших, излившийся от сознания и чувства наших духовных нужд и потребностей. — Это голос всего человечества, сознающего и чувствующего свою бедность, свою окаянность, свою греховность, свою нужду в Спасителе, нужду в благодарении и славословии за бесчисленные благодеяния и бесконечные совершенства Божии. Чудны эти молитвы и песни: они — дыхание Духа Святаго! Беда вся только в том, что они часто достигают только до нашего слуха, не проникая во внутреннее святилище наше. <...> Кто слушает внимательно церковные песнопения, тот каждый раз будет находить в них все новый и новый смысл. <...> Я испытал это не один раз. Некоторые из наших прогрессистов почитают церковь врагом для себя. Но если есть кто любвеобильнее, благожелательнее и мудрее в своей любви к людям, то это Церковь. Все, что естьобразнейшего в нашей природе и благопотребнейшего для нее, — все это заключается в Церкви, как сокровищнице, подобно тому, как в Евангелии заключены глаголы Живота. Церковь есть истинная мать всего человечества, право верующего во Христа, самый верный друг Христиан. Она сочувствует и отвечает всем существенным потребностям души и тела христианина деятельным пособием или подаванием помощи силою Господа. <...> Потому надо неотложно, разумно, благоговейно и охотно посещать богослужение, особенно в праздничные дни, участвовать в таинствах покаяния и причащения, внимательно относиться ко всем установлениям и канонам Церкви»⁵⁹. (Сам он причащался ежедневно, за редким исключением).

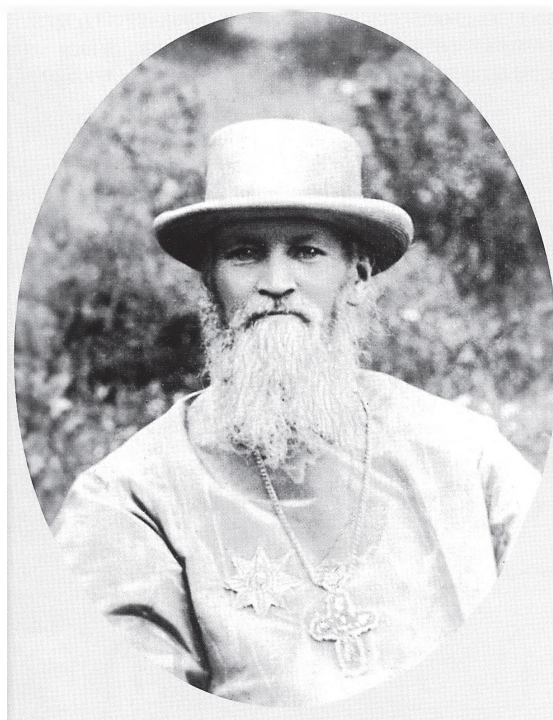
В условиях нарастающей революционной агитации святой стремился в разных выступлениях подчеркнуть, что *«наше богослужение не только не отрешено, не отъединено от действительной жизни, но и связано с нею такими узами, о коих многие и не подозревают. Своим богослужением православная Церковь воспитывает всех нас в гражданах земных и небесных»*⁶⁰. (Курсив наш. — М.Г.).

При этом кронштадтский пастырь давал слушателям понять, что появление новых положительных свойств и возможностей происходит по мере духовного возрастания, обретения благодати на

⁵⁸ Там же. С. 536–539.

⁵⁹ Там же. С. 546–550.

⁶⁰ Там же. С. 549.

Св. прав. Иоанн Кронштадтский

благодать. Так, во время пребывания в Самаре в 1902 г.⁶¹, в беседе со священниками о силе пастырской молитвы, он откровенно свидетельствовал о собственных усилиях на этом пути⁶². При каждой возможности Иоанн Кронштадтский решительно обличал Льва Толстого и других разрушителей православной Церкви, истинной духовности и нравственности⁶³. Его личность и вся деятельность святого наиболее выразительно свидетельствуют о значении уровня духовного возраста. Благодаря деятельности подвижника и святого скромный приход Кронштадта превращается во всероссийскую кафедру наделения Божественною благодатью.

+ + + + +

Приходские священники — это та часть духовенства, которая постоянно и непосредственно общается с основной массой людей, живущих в миру. Именно они, приходские священники, обеспечивают возможность приобщения к церковной жизни, восприятие святости служб и таинств, обретение живой веры, которая пронизывает все существование человека. Так может ли исследователь светской истории или социолог современности относить их деятельность лишь к предмету истории церкви или агиографии? Тенденциозно-враждебное освещение приходского духовенства учеными и публицистами — атеистами получило развитие уже в XIX в., а в советский период превратилось в злобно-карикатурный школьный штамп, поэтому и существует острая необходимость в объективном изучении этой темы.

К сожалению, в архивах многие церковные фонды были основательно «почищены»: уничтожали положительный материал, оставляя факты жалоб или негативные характеристики. Но объективные источники (переписка, мемуары и др.) сохранились в личных фондах людей самых разных профессий, общавшихся с духовенством. Мы имеем в виду как личные фонды в архивах⁶⁴, так и сохраненные частными лицами в домашних собраниях⁶⁵.

Данная статья — лишь один из первых шагов в приобщении историков к названной теме — дает возможность выделить некоторые черты, общие для деятельности приходских подвижников благочестия в условиях многообразной действительности России XIX — начала XX вв. Это — прежде всего, самоотверженное усердие в служении, превосходящее обычные человеческие возможности. Оно постоянно, устойчиво превосходит наши привычные представления не только по срокам —

⁶¹ Праведный Иоанн Кронштадтский дважды посещал Самару — в 1894 и 1902 гг. Материалы местной прессы отразившие его триумфальное (огромное количество народа) пребывание на Волге, собраны и опубликованы вместе: Духовный собеседник. Самара. 2008. № 1 (53) — 2 (54). С. 6–35.

⁶² Там же. С. 10–11.

⁶³ Он говорил об этом в проповедях, произносимых в больничном храме и в день своих именин. См.: Слово отца Иоанна Сергиева (Кронштадтского), произнесенное 1 октября в церкви при лечебнице Лепехина в Москве. // Душеполезное чтение. Ч. 3. М., 1901. С. 554–555. В том же году — в день прп. Иоанна Рыльского (19 окт. / 1 ноября). В этой проповеди он призывает: «Будем более всего на свете дорожить своею принадлежностью к Церкви святой. Это особенно необходимо в наше шаткое, смутное время неверия именующих себя мудрыми и разумными, но которые, по Богомудрому слову Писания, «объюродеша», стали глупыми, несмысленными» (Римл. I, 22) <...> Цитируя Апостола, святой проповедник «смутного времени» конца XIX — начала XX вв. утверждает: «Посему я говорю и заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы (или наши либералы, толстовцы и прочие сектанты), по суетности ума своего, будучи омрачены в разуме, отчуждены от жизни Божией, по причине их невежества и ожесточения сердец их». (Ефес. 4, 14–25). Там же. С. 682–683.

⁶⁴ См. Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель. Т. I. А–М. М. 1963; Т. II. Н–Я. М., 1963.

⁶⁵ Интересный и плодотворный опыт сочетания архивных материалов из государственных хранилищ, частных собраний потомков и дореволюционных публикаций источников для восстановления истинной истории духовного сословия конкретной епархии представляют собой подготовленные П.И. Новосельским «Владимирские краеведческие хроники» (Вып. 1–5., 2013–2015 гг.).

соотношение труда и отдыха, но по особенному духовному воздействию на прихожан и всех вступающих в контакт с пастырем людей — в службе, таинствах, проповеди, беседах, требах, наставлениях, преподавании и пр. При этом присутствует способность понять людей очень разных по их религиозности, образу жизни, взглядам, занятиям, возрасту и помочь им с любовью, откликнуться на их просьбы в сложной ситуации. Всегда и во всем — единая православная истина, но передача, подача ее — разная, с учетом тонких нюансов духовной реальности — никакого стандарта или формального подхода.

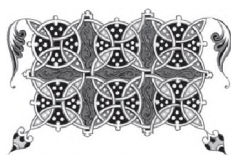
«В пастырском подвиге, — отмечает митрополит Питирим (Нечаев), — проявляется непосредственная помощь Божия. Этот путь особенно личен, индивидуален, неповторим. Это — харизма, непосредственное дарование благодатной силы Божией... Путь постоянного возгревания в себе дара благодати — через внимание к себе и своей пастве. Наивысшим образом он был проявлен в личности и служении святого праведного протоиерея Иоанна Кронштадтского».⁶⁶

Эти люди — «добрые домостроители многообразной благодати Божией» (1 Петр. 4, 10). Одни из них уходят в иной мир рано, сделав много для православного просвещения, другие — получают силу бесстрашно жить, утверждая истину до глубокой старости. И на тех, и на других не сказывается отрицательно — среда, историческая ситуация, попущенная Богом эпоха, а наоборот, мобилизует все их увеличенные благодатью силы на противо-

стояние злу, на духовное укрепление себя самих и других людей. Очень четко выступают из свідетельств современников решительность отрицательных оценок иереями-подвижниками действий разрушительных сил и успешность в применении молитвенных средств для защиты от них.

Все это, разумеется, воспринималось в обществе по-разному: от восторженного понимания, великой духовной радости и готовности помочь пастырю — до озлобления и ненависти, порождавших клевету и преследования. Велики были физические трудности миссионерского дела священника в горах или непроходимой тайге, но страшнее стихий были цивилизованные интеллигенты по духовной своей сути (из какого бы сословия они не выходили), отошедшие от церкви, утвердившиеся в безверии и стремящиеся «улучшить» жизнь человечества по собственному разумению или вычитанному, выслушанному у еще более «разумных».

Отрекшийся от Бога интеллектual разве мог оценить великую деятельность скромного приходского священника? Может ли разрушитель духовной жизни понять ее созидателя? Может. Но только при его собственном преображении. Тогда петрашевец Ф.М. Достоевский превращается не только во всемирно известного литератора, но выражает в своем «Дневнике писателя» религиозно-философские идеи русского народа, близкие всем христианам. Подобные преображения, лишь в более скромных масштабах деятельности и известности, совершались при содействии каждого из приходских пастырей, о которых шла выше речь.

⁶⁶ Цит. по: Молитва Иисусова. Опыт двух тысячелетий. Учение святых отцов и подвижников благочестия от древности до наших дней. Обзор аскетической литературы. Автор-составитель Николай Новиков. Т. I. М., 2004. С. 598.